

ная мольба и страх. Она предстает перед зрителем во всем очаровании сказки и вместе с тем полная стремления сбросить эту зачарованность, очнуться от волшебного сна. Каким-то порывистым, быстрым движением она касается струн гуслей Садко и на мгновение вся превращается в слух, трепет и чуткость. Она боится, но, замирая от страха, с тоской ждет человеческих песен, человеческой любви и счастья. Когда Гриценко быстро и легко касается гуслей Садко, кажется, что это волшебное прикосновение заставит как-то по-другому звучать струны, натянутые сильной рукой Садко. Сказка входит в жизнь людей, чтобы еще сильнее, еще пленительнее зазвучала песня человеческого сердца.

В быстрых, порывистых и в то же время вкрадчивых мягких движениях своей Волхова, в бездонной углубленности ее взгляда Гриценко передает особенности образа морской царевны и феи сказочного водного царства.

Вот Волхова поет колыбельную песню, склонившись над спящим Садко. Во всей ее фигуре покой, нежность и умиротворение. Нет больше былой порывистости, которая словно олицетворяла собой всплески капризной водной стихии. Волхова баюкает Садко, касается его лица с любовной нежностью жены, с заботливостью матери. Кажется, что в эту минуту Волхова извела все счастье земной женщины, счастье жены и матери, и ради этого счастья пожертвовала своим призрачным существованием царевны фантастического подводного царства.

Эта тема непреодолимой тяги к человеку, превращение существа «полуреального», как говорил Римский-Корсаков, в женщину, охваченную самым могучим человеческим чувством, с еще большей силой выражена Гриценко — Забелой в образе Снегурочки.

Мы присутствуем как бы при зарождении творческого замысла актрисы. Забела увлеченно рассказывает Стасову о роли Снегурочки, о чуде ее преображения, о сказочном моменте ее «таяния». И тут рука Гриценко быстро скользит по белому, словно снег, меху муфты, постепенно слабеет, сникает...

И в этом легком, замирающем движении видна судьба Снегурочки, как бы образный эскиз ее гибели.

Узнав, что партию Снегурочки репетирует другая актриса, Забела спешит в театр. Задыхаясь, она бежит по лестнице, как вкопанная останавливается за кулисами и отсюда, затаив дыхание, смотрит и слушает то, что происходит на сцене. Облик Забелы — Гриценко в этом моменте сливается с захватившим все ее сознание образом Снегурочки: широко раскрытые, тоскливые, жадные глаза, нервно сжатые руки, вся фигура, устремившаяся туда, где льется чудесная музыка, сияет свет и совершается чудо искусства. Она стоит, словно оглушенная, подавленная обидой. Рот ее крепко и скорбно сжат, кажется, что она вот-вот закричит от муки, от боли, закричит оттого, что не может петь. Она стоит неподвижно и молча, но чувствуется, что в ней стонет, плачет и жалуется ее любимая, ее неспетая Снегурочка.

Забела так жадно, так страстно хочет петь, как Снегурочка хочет жить и любить.

И когда Римский-Корсаков просит ее прорепетировать сцену, Гриценко — Забела идет к рампе нерешительно, робко, словно еще не понимая, не веря своему счастью. Так идет и Снегурочка навстречу засиявшей перед ней любви, так входит она в праздничный круг берендеев в день бога солнца Ярилы. На актрисе нет еще ни грима, ни костюма, но с первых же тактов оркестра перед нами настоящая Снегурочка. Да, это она, чистая, прозрачная, с детским лицом, дрожащим от внутреннего смятения, тоски и злой, палящей обиды, с огромными, округленными, полными слез глазами. Эти глаза словно умоляют о счастье и спрашивают: за что же обделена им бедная Снегурочка? И тихо льющаяся мелодия жалобы,